

О комбинировании лингвистических методов исследования эгоцентриков в русских переводных нарративах

Анастасия В. Уржа^{a, @, ID}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

@ aourja@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

Поступила в редакцию 13.04.2020. Принята к печати 12.05.2020.

Аннотация: Представлены результаты функционального сопоставительного исследования эгоцентрических языковых единиц на материале русских переводных нарративов, созданных на протяжении последнего столетия. В качестве иллюстрации привлечены шесть русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера» (с использованием параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка и сформированного автором статьи поливариантного набора оцифрованных переводов произведения). Цель – с опорой на труды лингвистов и переводоведов в области функционального изучения средств выражения субъективности представить классификацию эгоцентриков, позволяющую анализировать их взаимодействие в переводе, и на конкретных примерах рассмотреть особенности комбинирования методов лингвистического изучения эгоцентриков в переводных нарративах. Будучи формально разнородными, эгоцентрические элементы нередко выступают в составе функциональных связей, достигая необходимого прагматического эффекта. Поэтому продуктивным представляется их изучение с учетом принадлежности к функционально-семантическим группам: актуализирующей, интерпретационной, эпистемической, модалной, интерактивной. Эвристический метод, ориентированный на выявление контекстов использования эгоцентриков и количественные подсчеты на базе поливариантного набора переводов, комбинируется с индуктивным методом, нацеленным на выделение закономерностей на основе собранных данных, и с дедуктивным методом, позволяющим проверить сформулированные гипотезы с помощью анализа расширенных контекстов, с учетом авторской манеры введения эгоцентриков, их роли в конкретном тексте, специфики их использования в языке перевода, индивидуальных переводческих стратегий. Комбинирование перечисленных методов демонстрируется на примере изучения лексических показателей неопределенности, активно добавляемых в текст русскими переводчиками романа Марка Твена. Анализ этой группы средств в расширенных контекстах с учетом поведения других типов эгоцентриков позволяет дать комплексное объяснение этого явления, обусловленного, с одной стороны, спецификой интерпретации субъективированного нарратива при помощи средств русского языка, а с другой – применением индивидуальных переводческих стратегий, акцентирующих авторские приемы создания интриги в приключенческом тексте.

Ключевые слова: изофункциональность, поливариантный набор переводов, эвристический метод, индуктивный метод, дедуктивный метод, показатели неопределенности, субъективизация нарратива

Для цитирования: Уржа А. В. О комбинировании лингвистических методов исследования эгоцентриков в русских переводных нарративах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 879–888. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-879-888>

Введение

Несмотря на то, что эгоцентрические языковые единицы, или эгоцентрики, регулярно привлекают внимание ученых, специфические черты этой группы средств создают определенные сложности для их комплексного исследования. В первую очередь, эгоцентрики крайне разнородны. К ним относят «слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» [1, с. 17]. Языковые средства, реализующие эгоцентрические смыслы, соотносятся с крупными семантическими сферами дейкиса, оценки и эмотивности, разных типов модальности, эвиденциальности и др. Следовательно,

комплексное изучение эгоцентриков должно охватывать единицы разного объема: от граммема до предложения, при этом для анализа функционирования таких единиц зачастую требуются гораздо более крупные фрагменты текстов или целые тексты. Поскольку использование эгоцентриков тесно связано с прагматикой высказывания, требуется учет характеристик его адресата и условий речевого акта. Если материалом анализа является не монолог или диалог в условиях канонической коммуникации, а нарратив, понятие говорящего становится условным и расширяется, включая любой субъект речи, восприятия и сознания, будь то повествователь или фокальный персонаж.

С другой стороны, будучи разнородными, эгоцентрики регулярно реализуются в высказываниях как изофункциональные средства: слова определенных семантических групп «поддерживают» друг друга, соседствуют с синтаксическими конструкциями, несущими специфические модусные смыслы и прагматический «заряд», или входят в их состав, взаимодействуют с определенными грамматическими формами, совместно создавая требуемый эффект воздействия на адресата, формируя «образ говорящего». Например, в определенных фрагментах нарратива такую функциональную связку образуют дейктики, слова с «врожденным наблюдателем» [1, с. 54–55] и формы настоящего исторического, позволяющие читателю как бы очутиться в хронотопе повествования, наблюдать за происходящим вместе с героем. Эффективное взаимодействие в нарративе нередко наблюдается между словами со значением степени уверенности, лексическими средствами выражения неопределенности и неопределенно-личными предложениями, а также показателями неожиданности. Именно они создают в повествовании напряжение, т. н. саспенс, ограничивая точку зрения читателя рамками известного персонажам или повествователю. Возможны и более обширные комбинации эгоцентриков, используемые, например, при создании субъективированного нарратива.

Каким образом можно детально изучить взаимодействие эгоцентриков в повествовании? Информативный материал для решения такой задачи представляют варианты русского перевода иноязычного текста. Переводческие версии воплощают при помощи средств русского языка один и тот же оригинал в комплексе его семантических и прагматических характеристик, формируя т. н. поливариантный набор переводов. Используя этот материал, исследователь, по выражению А. В. Федорова, оказывается в условиях «подготовленного, но при этом естественного эксперимента» [2, с. 31]. Переводчики создают тексты не для научного анализа, каждый из них стремится воспроизвести первоисточник наиболее успешно. Палитра языковых средств, отчасти синонимичных, но различающихся рядом структурных и прагматических нюансов, проявляет свои возможности от перевода к переводу.

Цель данной статьи – охарактеризовать эгоцентрики как объект функционального сопоставительного исследования на материале русских переводных нарративов; очертить теоретическую базу такого исследования, сформированную трудами лингвистов и переводоведов в области функционального изучения средств выражения субъективности; с опорой на существующие таксономии представить классификацию эгоцентриков, позволяющую анализировать их взаимодействие в переводе; на конкретных примерах рассмотреть особенности применения разных методов лингвистического изучения эгоцентриков в переводных текстах и описать возможности комбинирования этих методов.

Эгоцентрики как объект функциональных сопоставительных исследований. Классифицирование эгоцентриков для изучения их взаимодействия

Сопоставительный ракурс изучения переводческих версий побуждает исследователя рассматривать языковой материал в функциональном ключе. Задолго до современных коммуникативно-функциональных исследований переводоведы подчеркивали, что «форма языкового явления» важна «как носитель определенной функции, последняя же как раз и составляет главное при переводе и очень часто поддается воспроизведению с помощью формально отличных средств другого языка» [2, с. 29–30]. Различия грамматических и лексических систем языков, выявленные в типологических и контрастивных исследованиях, расхождения в сфере культуры и языковой картины мира, описанные лингвокультурологами и этнопсихологами, особенности диахронических изменений в области языка и стиля – все эти факторы при сопоставлении оригинала и перевода рассматриваются в функциональном ракурсе: главным остается вопрос о том, насколько каждый интерпретированный переводчиком элемент текста сохраняет свою функцию в составе целого – для новой читательской аудитории.

С развитием функциональных лингвистических теорий в России и в других странах взаимодействие переводоведения и языкознания в сфере изучения эгоцентриков активизировалось. Опираясь на достижения системно-функциональной грамматики М. А. К. Холлидея [3], зарубежные ученые обратились к комплексному изучению интерпретации в переводе дейктических средств [4; 5], модальных значений [6], оценочных смыслов [7]. В теории конструирования первого плана и фона нарратива (*Theory of grounding*) роль эгоцентрических средств в создании фокализованных, выделенных фрагментов повествования, а также в дефокусировании привлекла внимание ученых и была продемонстрирована на примере оригинальных и переводных текстов [8–10] (см. обзор в [11]). Традиция функциональных исследований в русистике востребована для изучения эгоцентриков на сопоставительном материале. Базу для соответствующей работы составляют реестры средств выражения субъективных смыслов, представленные в виде функционально-семантических полей в трудах А. В. Бондарко и его соавторов [12; 13]. Плодотворной оказывается методика комплексного анализа лексических и грамматических средств выражения субъективности в рамках коммуникативных регистров текста, разработанная Г. А. Золотовой и др. [14] и Н. К. Онипенко [14; 15]. Целый ряд классификаций, сочетающих семантический и прагматический подход к описанию языковых явлений и характеризующих средства оценки, типы модуса, свойства русских нулевых местоимений, характер фокуса эмпатии в различных синтаксических конструкциях и т. п., исследователь может почерпнуть в работах Н. Д. Арутюновой [16] и Т. В. Булыгиной [17]. Детальная таксономия эгоцентриков

и их характеристика представлена Е. В. Падучевой [1; 18] (каждый из выделенных классов исследуется в наше время десятками ученых). В работах упомянутых исследователей затрагивается вопрос о роли эгоцентриков в формировании перспективы высказывания и нарратива. Отечественные и зарубежные функционально-семантические исследования формируют теоретико-методологические основания для изучения эгоцентрических элементов русского языка в переводных повествовательных текстах; с другой стороны, положения соответствующих концепций могут получить дальнейшую апробацию в сопоставительных исследованиях [19, с. 183]. Важным источником сведений об успешности применения определенных методик изучения той или иной группы эгоцентриков становятся публикации о современных исследованиях с привлечением корпусных данных [20; 21].

Обращаясь к вопросу о методах лингвистического изучения эгоцентриков, необходимо кратко охарактеризовать таксономию этих элементов. Учитывая и соотнося описанные в работах современных лингвистов наборы эгоцентрических языковых средств [1; 15; 18; 22; 23], можно представить репертуар эгоцентриков в виде кластеров, внутри которых располагаются наиболее функционально близкие друг к другу элементы.

Так, к группе **актуализирующих** эгоцентриков могут быть отнесены темпоральные и пространственные дейктики, лексика с «врожденным наблюдателем», к группе **интерпретационных** эгоцентриков – средства выражения оценки и эмотивности, в кластер **эпистемических** эгоцентриков войдут средства выражения персуазивности и авторизации, показатели неопределенности, идентификации и неожиданности, обороты, постулирующие сходство и подобие. К группе **модальных** эгоцентриков будут отнесены грамматические и лексические средства выражения деонтической, алетической, оптативной модальности. Наконец, специфическую группу **интерактивных** эгоцентриков в нарративе, обеспечивающих взаимодействие между говорящим и адресатом, составят персональные дейктики (маркирующие, в частности, выбор повествования от первого или третьего лица), конструкции со значением эксклюзивности / инклюзивности субъекта (указывающие на то, что говорящий и адресат исключены / включены в потенциальный круг субъектов описываемой ситуации), метатекст, средства выражения социальных смыслов, обращения.

Средства каждой группы реализуют в повествовании специфическую функцию.

- Актуализирующие эгоцентрики обеспечивают локализацию дейктического центра повествования [24, р. 15], позволяют читателю приобщиться к восприятию мира фокальным субъектом (повествователем или персонажем). Их активное использование в нарративе усиливает у нас ощущение соприсутствия, соучастия в описываемых событиях.

- Интерпретационные эгоцентрики окрашивают повествование субъективной оценкой и эмоциями того или иного текстового субъекта, фокусируя наше внимание не на событии, а на субъективном мнении о нем.
- Эпистемические эгоцентрики очерчивают границы точки зрения фокального персонажа (или повествователя), при их конденсации создается атмосфера напряжения, читатель вместе с героями вынужден догадываться о неизвестном, сталкиваться с неожиданными поворотами сюжета, становиться свидетелем разоблачений и узнаваний.
- Модальные эгоцентрики устанавливают отношение точки зрения текстовых субъектов к положению дел в описываемом мире: оттенки долженствования, способности, желания, вербализованные различными способами, указывают на интенции и возможности героев в отношении реальности, в которой они существуют.
- Интерактивные эгоцентрики снабжают читателя своеобразными инструкциями по работе с текстом, апеллируют к нему, побуждают соотнести опыт фокальных субъектов с собственным. В некоторых текстах они принимают форму эксплицитных обращений к адресату, в других – реализуются опосредованно, на уровне метатекстовых элементов, обобщений, потенциально включающих читателя, и т. п.

Эгоцентрики разных типов могут при интерпретации текста с разной степенью свободы перемещаться в пределах предложения или более крупного фрагмента, функционировать в определенных комбинациях, взаимозаменяться с эгоцентриками той же подгруппы (реже – других подгрупп) при сохранении общего прагматического эффекта высказывания – вот почему продуктивным является их изучение в составе **функциональных единств**, или связок, а также анализ их появления в переводном тексте как функциональных спутников элементов с определенной семантикой и композиционной ролью. Наиболее характерно такое поведение эгоцентриков в переводах, стремящихся к динамической эквивалентности трансформаций [25], преследующих цель произвести на аудиторию переводного текста то же воздействие, какое на читателей производил оригинал, и привлекающих для этой цели разнообразными средствами русского языка. В переводах же, стремящихся к формально точному воспроизведению подлинника, эгоцентрики ведут себя менее свободно, однако варьирование в их употреблении и здесь возможно, и оно заслуживает изучения. Таким образом, и доместизирующие, и форенизирующие стратегии переводчиков [26] могут снабдить исследователя эгоцентрических элементов информативным материалом.

Методы лингвистического изучения эгоцентриков в вариантах русского перевода нарративного текста
Материалом исследования, часть результатов которого представлена в данной статье, стали варианты русского

перевода англоязычных художественных нарративов, созданных в период с конца XIX в. по начало XXI в. (в целом 29 оригиналов и 126 переводов прозаических произведений). Для статьи выбраны примеры из шести переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», выполненных С. Воскресенской (1896), М. Энгельгардтом (1911), К. Чуковским (1935, ред. 1958), Н. Дарузес (1948), С. Ильиным (2011) и А. Климовым (2012)¹. Небольшая часть текстов размещена в параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², остальные материалы обработаны автором вручную (сформирован и исследован поливариантный набор русских переводов романа). Учитывается опыт сопоставительных исследований определенных групп эгоцентрических элементов, проведенных учеными в России и за рубежом (см. выше).

Первый этап изучения эгоцентриков в поливариантном наборе русских переводов нарратива предполагает применение эвристического (эгоцентрики определенной подгруппы или нескольких подгрупп выявляются в оригинальном тексте, обнаруженные контексты соотносятся с соответствующими фрагментами переводных вариантов) и индуктивного метода (определяются общие тенденции, частотность пропусков, вставок, замен на изофункциональные элементы). В этой работе значительную помощь может оказать применение методик обработки материала в рамках корпуса, который позволяет выявить и исчислить все искомые контексты, подвергнуть их первичному анализу, выделить наиболее заметные закономерности и сформулировать первые гипотезы.

Однако на следующем этапе изучения материала требуется соотнести полученные количественные данные с результатами комплексного семантического и стилистического анализа контекстов употребления эгоцентриков. Такая работа требует охвата фрагментов значительного объема, вплоть до целого текста. Учет авторской манеры использования эгоцентриков, их роли в конкретном тексте, стилистической традиции их употребления в языке перевода, индивидуальных переводческих стратегий, акцентирующих или нивелирующих авторские приемы, позволяет скорректировать первичные наблюдения с использованием дедуктивного метода и затем поставить новые эвристические задачи для работы с корпусом переводных вариантов. Чередуя эти операции можно проводить неоднократно, и комбинирование перечисленных методов лингвистического анализа эгоцентриков оказывается необходимым для получения объективных результатов по изучаемому корпусу вариантов перевода. Рассмотрим этот процесс подробнее на примере исследования показателей неопределенности, относящихся к группе эпистемических эгоцентриков.

Изучение показателей неопределенности в контексте перевода: предварительные сопоставительные наблюдения и гипотезы

К показателям неопределенности традиционно относятся неопределенные и слабоопределенные местоимения (*кто-то, некоторые*) и неопределенные наречия (*когда-нибудь*) [18, с. 282], функционально с ними сближаются слова, значение которых указывает на недостаточную информированность говорящего / мыслящего субъекта (*неизвестный, незнакомец*), предложения с неопределенноличным (*К нам постучали*) и неопределенно-предметным субъектом (*В репродукторе щелкнуло*) [14, с. 115–117].

Е. В. Падучева, обращаясь к сопоставительному материалу, отмечает специфическую закономерность: «Разные переводчики сходятся в том, что, как правило, оставляют показатели неопределенности, в избылии присутствующие в русском тексте, без перевода» [27, р. 182]. Автор иллюстрирует это наблюдение, привлекая 26 параллельных контекстов из произведений Н. В. Гоголя и А. П. Чехова и их переводов на французский язык. Действительно, в приведенных примерах лексические показатели неопределенности исчезают при переводе, например: *И хотелось почему-то плакать. <...> И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!* (*Et l'on avait envie de pleurer. <...> Et Nadia avait l'impression obscure que toute sa vie serait ainsi, sans changement, sans fin*). Е. В. Падучева объясняет отмеченную тенденцию «особой настроенностью» русского языка «на эту семантическую сферу» и выдвигает гипотезу: «Если неопределенность составляет семантическую доминанту русской языковой картины мира, естественно ожидать, что показатели неопределенности будут иметь в русском тексте относительно малый удельный вес; в частности, при переводе будут иметь тенденцию опускаться» [27, р. 182].

Гипотеза Е. В. Падучевой стала одним из стимулов проведения В. А. Нуриевым комплексного исследования на материале данных параллельного русско-французского подкорпуса НКРЯ, и первичные наблюдения получили ряд уточнений. В материалах корпуса зафиксировано значительное количество контекстов, где при переводе с русского языка на французский «признак неопределенности», «снижая интенсификацию и "расщепляясь", грамматикализуется при помощи артикля» [20, с. 16]. Такие контексты обнаруживаются и в примерах Е. В. Падучевой: *Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей* (*Une force surnaturelle parut le détourner de ses camarades, qu'il avait tenus d'abord pour des gens bien élevés*). По наблюдениям В. А. Нуриева, «ослабление признака неопределенности» при переводе чаще происходит при референции к неодушевленному объекту, при контактном

¹ Подробные данные о русских переводах, использованных в работе, опубликованы на исследовательском сайте А. В. Уржи. Режим доступа: http://uzgha.ru/?page_id=1649 (дата обращения: 02.04.2020).

² НКРЯ. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 02.04.2020).

положении маркера неопределенности по отношению к определяемому слову, при отсутствии дополнительных оттенков значения [20, с. 16].

Проведенный исследователями анализ позволяет нам обратить внимание еще на некоторые интересные закономерности. Во фрагментах текстов Н. В. Гоголя и А. П. Чехова, разобранных Е. В. Падучевой, собственно неполнота знания героя отходит на второй план, важнее оказывается **субъективизация повествования** – представление в третьеличном нарративе позиции фокального персонажа, на создание которой и работают неопределенные эгоцентрики. Эта же роль присуща показателям неопределенности в целом ряде примеров В. А. Нуриева: *Предстояло думать о средствах к принятию каких-нибудь мер (Il fallait songer aux moyens de prendre des mesures)*. Оригинальное нереперентное местоимение в этом фрагменте из «Обломова» указывает не столько на незнание, сколько на нежелание героя думать о конкретных действиях, его равнодушие к возможному их результату.

Возникает вопрос: возможно, использование показателей неопределенности как маркеров субъективизации в текстах на русском языке в целом является более активным, и этим объясняется формальное несоответствие оригиналов и переводных версий? Для ответа на него обратимся к результатам сопоставительного анализа, проведенного нами, так сказать, в обратном направлении: материалом стали русские переводы иноязычного произведения, в котором субъективизация была использована автором в качестве одного из ведущих приемов конструирования нарратива. Рассмотрим, какие средства были задействованы русскими переводчиками для воссоздания этого приема.

Изучение показателей неопределенности на материале русских переводных нарративов: эгоцентрики как маркеры субъективизации

Среди изученных нами материалов наиболее интенсивное использование субъективизации нарратива как приема наблюдается в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера». В оригинальном англоязычном тексте немало фрагментов свободного косвенного дискурса [28], но даже в традиционном третьеличном повествовании точка зрения нарратора регулярно сближается с позицией героев (Тома, тети Полли и др.) [29]. Любопытно, что в целом ряде переводов на русский язык субъективизация возрастает: в соответствующих фрагментах появляются дополнительные эгоцентрики, и среди них – показатели неопределенности (в примере жирным шрифтом выделены показатели неопределенности, курсивом – другие эгоцентрические элементы):

[So he lay still, and stared up into the dark. Everything was dimly still]. By and by, out of the stillness, little, scarcely perceptible noises began to emphasize themselves. The ticking of the clock began to bring itself into notice. Old beams began

to crack mysteriously. The stairs creaked faintly. Evidently spirits were abroad.

Пер. С. Воскресенской: [И онъ лежалъ смирно, вперивъ глаза въ темноту]. Всюду господствовала томительная тишина. *Слышалось* тиканье часовъ; старья балки покрывали тихонько, на лѣстницѣ **что-то** скрипнуло. Ясно было, что духи разгуливаются.

Пер. М. Энгельгардта: <...> Царила **какая-то** зловещая тишина. Мало-помалу в тишине стали *выделяться* едва уловимые звуки. Тиканье часов сделалось явственно *слышимым*. Старые балки начинали таинственно покряхтывать. Ступеньки на лестнице слабо закрипели. Очевидно, духи пустились в свои похождения.

Пер. А. Климова: <...> Вокруг царила гнетущая тишина, но постепенно из этой тишины начали *выделяться* **какие-то** незначительные, порой едва различимые звуки. Внизу тикали часы. Старые балки на чердаке таинственно потрескивали. Поскрипывала лестница, – *должно быть*, по ее ступеням бродили духи.

Мы видим, что в оригинальном тексте нет ни одного неопределенного местоимения или наречия, в русских же версиях перевода они появляются, причем возникают в разных местах фрагмента, охваченного одной субъектной сферой – впечатлениями не спящего ночью Тома. Интересно, что добавленные переводчиками показатели неопределенности не коррелируют и с артиклями в англоязычном тексте. Функция этих элементов – подчеркнуть субъективность восприятия мальчиком ночного пространства, наполненного звуками, усилить саспенс – напряжение в повествовании. В оригинальном тексте эту роль выполняет другой эпистемический эгоцентризм – персуазивный показатель *evidently*, а также актуализирующие элементы, выделенные нами курсивом. В русских переводах количество таких элементов может возрасть (см. версию А. Климова).

Являются ли вставки показателей неопределенности тенденцией в русских переводах романа Марка Твена? Дать ответ на этот вопрос призван корпусный анализ. Действительно, сопоставляя оригинальный текст с переводом Н. Дарузес (только он на данный момент размещен в параллельном подкорпусе НКРЯ), можно увидеть, что на 46 употреблений слова *что-то* в переводе (в значении неопределенного местоимения) имеется лишь 18 соответствий со специальными лексическими единицами в англоязычном первоисточнике, слово *кто-то* передает оригинальные показатели неопределенности в 6 случаях из 10, слово *какой-то* – в 11 случаях из 32, остальные добавлены в русский текст по разным причинам (например, они могут заполнять валентности глаголов, соответствующих оригинальным, ср.: *The doctor murmured inarticulately* – *Доктор пробормотал что-то невнятное*). Однако небольшие контексты, которые корпус выдает автоматически, не всегда позволяют увидеть семантические и прагматические характеристики окружения добавленных переводчиками показателей неопределенности. Кроме того,

пока что средствами корпуса нельзя сравнить варианты русского перевода романа (всего их тринадцать, оцифровано шесть, а в корпусе размещен только один).

Поскольку объектом исследования являются эгоцентрики, важно соотносить объем анализируемых частей нарратива с фрагментами, охваченными точкой зрения того или иного субъекта текста (фокального персонажа, повествователя). Если мы таким образом расширим границы анализа, то в его фокус попадут функционально близкие изучаемому объекту элементы. Ориентируясь на найденный при помощи поиска в корпусе фрагмент, где в переводе добавлено несколько показателей неопределенности, расширим его границы и обнаружим соседствующие эпистемические эгоцентрики: лексемы со значением неожиданности, недостаточной информированности, конструкции с семантикой идентификации – создающие в эпизоде эффект субъективизации и саспенса (во фрагменте ниже они выделены жирным шрифтом, остальные типы эгоцентриков отмечены курсивом; элементы, добавленные переводчиком, выделены жирным курсивом):

In one corner they found a closet that promised **mystery**, but the **promise** was a **fraud** – **there was nothing** in it. Their courage was up *now* and well in hand. They were about to go down and begin work when –

"Sh!" said Tom. < ... >

Two men entered. Each boy said to himself: "**There's the old deaf and dumb Spaniard** that's been about town once or twice lately – never saw t'other man before."

"T'other" was a ragged, unkempt creature, with *nothing very pleasant* in his face. < ... > When they came in, "t'other" was talking in a low voice; they sat down on the ground, facing the door, with their backs to the wall, and the speaker continued his remarks. His manner became less guarded and his words more *distinct* as he proceeded:

"Dangerous!" grunted the "deaf and dumb" Spaniard – to the vast **surprise** of the boys. "Milkso!"

This voice made the boys *gasp and quake*. **It was Injun Joe's!**

Пер. Н. Дарузес: В одном углу они нашли чулан, с виду очень заманчивый и **таинственный**, однако их **надежды** были **обмануты** – в чулане ровно ничего **не оказалось**. *Теперь* они совсем расхрабрились и собрались уже сойти с лестницы и приняться за работу, как **вдруг**...

– Ш-ш! – сказал Том. < ... >

Вошли двое мужчин. Каждый из мальчиков подумал про себя: «**Это глухонемой старик испанец**, который был раза два у нас в городе, а другого я никогда еще не видел».

«Другой» был нечесаный, немый оборванец с очень *неприятным* лицом. < ... > Когда они вошли в дом, «другой» говорил **что-то** испанцу тихим голосом; они уселись на полу, лицом к двери, прислонившись к стене, и тот, «другой», все говорил **что-то**. Он держался **теперь** не так осторожно, и его слова *доносились* до мальчиков *явственнее*. < ... >

– Опасно! – проворчал «глухонемой», к великому *изумлению* мальчиков. – Слюнтят!

От этого голоса мальчиков *бросило в дрожь*: **то был голос индейца Джо!**

Целый комплекс лексических и синтаксических средств использован М. Твенном для того, чтобы передать читателю оттенки перехода от незнания к осведомленности, который переживают Том и Гек в заброшенном доме: надежды, подозрения, догадки, неожиданные узнавания – все эти перипетии реализованы в тексте при помощи показателей неопределенности, недостаточной информированности, неожиданности, идентификации. Акцентируя авторский прием, переводчик подчеркивает, что мальчики, затаившиеся на чердаке, вначале не могут расслышать и узнать вошедших мужчин: интрига тянется до момента, пока Индеец Джо не обнаруживает себя, хотя подозрение должно родиться на миг раньше: герой не мог «что-то говорить» глухонемому! Фрагмент насыщен и другими показателями субъективизации: дейктиками, словами с «врожденным» наблюдателем, средствами выражения оценки и эмоций. Не только в переводе Н. Дарузес, но и в других проанализированных нами русскоязычных версиях в этом эпизоде эгоцентрики добавляются, усиливая эффект внутренней фокализации (приведем показательные фрагменты):

Пер. К. Чуковского: В одном углу они нашли чулан, суливший им **какую-то** тайну, но в чулане ничего не оказалось. < ... > Они уже хотели спуститься вниз и начать работу, как **вдруг** ...

Пер. С. Воскресенской: Вь одномъ углу оказался шкафъ, обѣщавшій **нѣчто** таинственное, но онъ обманулъ ожиданія: въ немъ не было ничего. < ... > Входя, «другой» говорилъ **что-то** вполголоса; они сѣли оба на полъ, лицомъ къ дверямъ, спиною къ стѣнѣ, и «другой» продолжалъ говорить. Онъ теперь уже менѣе остерегался < ... >.

Пер. С. Ильина: **Правда**, в углу обнаружился обещавший множество тайн чулан, однако обещания его оказались надутельством – ничего **интересного** в чулане не нашлось. К этому времени мальчики расхрабрились окончательно. Они совсем уж собрались спуститься вниз и приняться за работу, как **вдруг** ...

Пер. А. Климова: < ... > Второй оказался совершенно **незнакомым** им грязным и нечесаным оборванцем с отталкивающей физиономией. Когда эти двое вошли в дом, оборванец **что-то** говорил испанцу, но так тихо, что **нельзя было разобрать ни слова**.

Итак, анализ расширенных контекстов позволяет нам обнаружить специфическое явление: в русских переводах романа добавляются не только показатели неопределенности, но эгоцентрики разных типов, в первую очередь – эпистемические, при этом их вставки мы наблюдаем в одних и тех же участках нарратива, а именно – во фрагментах с максимально субъективированным повествованием.

Интерпретация эгоцентриков в контексте индивидуальных переводческих стратегий

Во всех ли русских переводах субъективизация маркируется при помощи эгоцентриков одинаково активно? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, нужно вновь обратиться к корпусному анализу переводов и выявить контексты с добавлением эгоцентриков других типов, а затем сопоставить варианты перевода друг с другом. Результаты такого анализа (проведенного нами на материале поливариантного набора шести оцифрованных переводов романа) показывают, что у тех переводчиков, которые активнее добавляют показатели неопределенности, чаще встречаются и другие эпистемические эгоцентрики, и дейктики – это происходит потому, что в рамках своей переводческой стратегии создатели этих версий подчеркивают авторский прием субъективизации при помощи средств русского языка. Наиболее ярко эта стратегия проявляется у К. Чуковского. Сравним его перевод с вариантом М. Энгельгардта относительно оригинала (эгоцентрики выделены жирным шрифтом, добавленные элементы отмечены жирным курсивом):

A noise fell upon his ear. He was all attention in an instant. The alley door closed softly. He sprang to the corner of the brick store. The next moment two men brushed by him, and one **seemed to have something** under his arm. **It must be that box!** So they were going to remove the treasure.

Пер. М. Энгельгардта: Ему послышался шум. Он моментально превратился весь во внимание. Дверь, выходящая в тупик, тихонько отворилась. Он отскочил за угол кирпичного склада. В следующее мгновение двое людей прошли мимо него; один из них, как ему **показалось, что-то** тащил под мышкой. **Наверное, сундучок.** Значит, они уносят сокровище.

Пер. К. Чуковского: **Вдруг** до его слуха донесся **какой-то** шум. Он мгновенно насторожился. Дверь, выходящая в переулок, тихо закрылась. Гек бросился к углу кирпичного склада. Через минуту мимо него прошмыгнули два человека; у одного **как будто** было **что-то** под мышкой. **Должно быть, сундучок!** Значит, они хотят унести сокровище **куда-то** в другое место.

Размышления Гека, по сравнению с оригиналом и с версией М. Энгельгардта, дополнительно размечены несколькими эпистемическими эгоцентриками в переводе К. Чуковского: подчеркивается неосведомленность, неуверенность героя, вынужденного строить догадки, а также внезапность событий, в которые он оказывается вовлечен. Чуковский в целом активнее использует эпистемические эгоцентрики: в его тексте больше неопределенных местоимений и наречий (211 по сравнению с 187 у М. Энгельгардта), слов, выражающих ту или иную степень уверенности (128 по сравнению со 116), показателей неожиданности типа *вдруг, внезапно* (50 и 41). Если же говорить об эгоцентриках в целом, то и другие группы таких элементов у К. Чуковского тоже задействованы

активнее (например, у него обнаруживается 186 дейктических слов по сравнению со 110; 39 (!) форм настоящего исторического по сравнению с 4) (см. [30]). Интересно, что К. Чуковский, редактировавший свой перевод несколько раз, постепенно увеличил в нем количество эгоцентриков (например, добавил дейктики в сцене драки мальчиков в начале романа). При этом нельзя не отметить, что вставки эгоцентриков в его версии наблюдаются именно во фрагментах с повышенной субъективизацией, где читатель по сути присоединяется к точке зрения героя, участвующего в событиях. Таким образом, мы имеем дело с продуманной переводческой стратегией, использующей возможности русского языка для маркирования внутренней фокализации. Последовательность решений переводчика оказывается любопытным в научном плане феноменом (хотя с точки зрения переводческой критики она, конечно, может быть оценена по-разному).

В итоге, с одной стороны, тенденцию к увеличению количества эпистемических эгоцентриков можно наблюдать во всех русских переводах, а с другой – некоторые переводческие версии акцентируют оригинальные приемы субъективизации чаще, чем другие. Комплексный сопоставительный анализ переводческих вариантов на фоне оригинала позволяет выявить целый ряд факторов, обуславливающих появление элементов с определенной семантикой и функцией в каждом из текстов: от универсальных семантико-грамматических закономерностей до эффектов применения индивидуальной переводческой стратегии.

Заключение

Эгоцентрические элементы в нарративе представляют один из интереснейших лингвистических объектов. Будучи формально очень разнородными, они могут объединяться в функциональные связки, действуя в тексте единым фронтом и достигая необходимого прагматического эффекта. Именно поэтому продуктивным представляется изучение эгоцентриков с учетом их принадлежности к определенным функционально-семантическим группам: актуализирующей, интерпретационной, эпистемической, модальной, интерактивной. Средства, принадлежащие к одной группе, чаще взаимодействуют в тексте, «поддерживая» друг друга. Так, при исследовании контекстов с добавленными показателями неопределенности в русских переводах романа Марка Твена о Томе Сойере обнаруживается регулярное соседство этих элементов с другими эпистемическими эгоцентриками – лексемами со значением неожиданности, недостаточной информированности, конструирования с семантикой идентификации – создающими в эпизодах эффект саспенса. При этом вставки наблюдаются в однотипных участках нарратива, а именно во фрагментах с максимально субъективированным повествованием. Анализ поливариантного набора переводов текста позволяет установить, что с помощью добавления эпистемических эгоцентриков создатели русскоязычных

версий романа акцентируют авторские приемы формирования повествования с внутренней фокализацией. При этом удается выявить тексты, в которых такое акцентирование реализует последовательную переводческую стратегию, допускающую добавление в русский перевод эгоцентриков и других групп, например дейктиков, с целью приблизить

читателя к точке зрения героя, участвующего в событиях. Опора на собранные количественные данные вкупе с анализом расширенных контекстов оригинала и переводов позволяет продемонстрировать тенденцию к увеличению количества эгоцентриков в русскоязычных версиях романа и дать ей комплексное объяснение.

Литература

1. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. 440 с.
2. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология три, 2002. 416 с.
3. Halliday M. A. K. Comparison and translation // Halliday M. A. K., McIntosh M., Strevens P. The linguistic sciences and language teaching. London: Longmans, Green and Co., 1964. P. 111–134.
4. Hatim B., Mason J. The translator as communicator. London, N. Y.: Routledge, 1997. 219 p.
5. Mason I., Şerban A. Deixis as an interactive feature in literary translations from Romanian into English // Target. 2004. Vol. 15. № 2. P. 269–294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>
6. House J. Translation quality assessment: a model revisited. Tübingen: Gunter Narr, 1997. 207 p.
7. Munday J. Evaluation in translation: critical points of translator decision-making. Abingdon-N. Y.: Routledge, 2012. 194 p.
8. Chvany C. V. Foregrounding, "transitivity", saliency (in sequential and non-sequential prose) // Essays in Poetics. 1985. Vol. 10. № 2. P. 1–27.
9. Fleischman S. Tense and narrativity. From medieval performance to modern fiction. Austin: University of Texas Press, 1990. XIII+443 p.
10. Koyama N. Grounding and deixis: a comprehensive approach to the grounding phenomenon in Japanese narrative // Taiwan Journal of Linguistics. 2004. Vol. 2.1. P. 1–44.
11. Уржа А. В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slověne. 2018. Т. 7. № 2. С. 494–525. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.20
12. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1990. 262 с.
13. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1991. 369 с.
14. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд. Моск. ун-та, 1998. 528 с.
15. Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М.: Языки славянских культур, 2013. С. 92–121.
16. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2. изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
17. Булыгина Т. В. Я, ты и другие в русской грамматике // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.: Наука, 1990. С. 111–126.
18. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 464 с.
19. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 542 с.
20. Нуриев В. А. Исследование категории неопределенности в русском языке на материале корпусных данных // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24. С. 14–18.
21. Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское ЯКОБЫ // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.) М.: РГГУ, 2017. Вып. 16. Т. 2. С. 17–29.
22. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. Вып. 1 / под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. М.: Изд. Моск. ун-та, 1984. С. 78–100.
23. Шелякин М. А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта; Наука, 2005. 289 с.
24. Segal E. M. Narrative comprehension and the role of Deictic Shift Theory // Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective / eds. J. F. Duchan., G. A. Bruder, L. E. Hewitt. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 3–18.
25. Nida E. Towards a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden: Brill, 1964. 332 p.
26. Venuti L. The translator's invisibility: a history of translation. London, N. Y.: Routledge, 1995. 353 p.

27. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Problemi di morfosintassi delle lingue slave. Vol. 5. Determinatezza e indeterminazione nelle lingue slave: atti del Convegno svoltosi (Firenze, 26–28 ottobre 1995)*. Padova: Unipress, 1996. P. 163–186.
28. Lynch P. Not trying to talk alike and succeeding: the authoritative word and internally-persuasive word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn // *Studies in the Novel*. 2006. Vol. 38. № 2. P. 172–186.
29. Sewell D. R. *Mark Twain's languages: discourse, dialogue, and linguistic variety*. Berkeley: University of California Press, 1987. 188 p.
30. Urzha A. V. The foregrounding function of praesens historicum in Russian translated adventure narratives (20th century) // *Slovène*. 2016. T. 5. № 1. P. 226–248. DOI: 10.31168/2305-6754.2016.5.1.9

original article

Combining Linguistic Methods of Studying Egocentric Units in Russian Translated Narratives

Anastasia V. Urzha^{a, @, ID}^a Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

@ aourja@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

Received 13.04.2020. Accepted 12.05.2020.

Abstract: The present research featured a functional comparative analysis of egocentric language units in contemporary Russian translated narratives, namely six Russian translations of *The Adventures of Tom Sawyer*. The study was based on parallel corpora within the Russian National Corpus and a set of digitized translations. The research objective was to present the classification of egocentric units applicable to the analysis of translations, as well as to describe the ways of combining various linguistic methods of studying egocentrics in translated narratives. Egocentric units were studied within several semantic clusters: actualizing (deictic), evaluative, epistemic, modal, and interactive. Using the heuristic method, the authors found and counted the contexts containing egocentric units of a certain type within the parallel corpora. The inductive method made it possible to reveal the trends based on the data obtained. The hypotheses were verified using the deductive method. The research was based on wide narrative contexts and took into the account the writing style, the genre and composition of the text, the use of egocentrics in the target language, and the individual translation strategies. The paper focuses on the lexical markers of uncertainty added by the Russian translators of Mark Twain. They are often used as additional markers of focalization in Russian translations. On the one hand, this phenomenon deals with specific ways of foregrounding subjectivity in the Russian language; on the other hand, it reveals the strategies of building-up suspense applied by individual translators.

Keywords: co-functioning, set of translated variants, heuristic method, inductive method, deductive method, markers of uncertainty, focalization

For citation: Urzha A. V. Combining Linguistic Methods of Studying Egocentric Units in Russian Translated Narratives. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 879–888. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-879-888>

References

1. Paducheva E. V. *Egocentric units in the language*, 2nd ed. Moscow: IaSK, 2019, 440. (In Russ.)
2. Fedorov A. V. *Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)*, 5th ed. St. Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU; Moscow: Filologiya tri, 2002, 416. (In Russ.)
3. Halliday M. A. K. Comparison and translation. Halliday M. A. K., McIntosh M., Strevens P. *The linguistic sciences and language teaching*. London: Longmans, Green and Co., 1964, 111–134.
4. Hatim B., Mason J. *The translator as communicator*. London, N. Y.: Routledge, 1997, 219.
5. Mason I., Şerban A. Deixis as an interactive feature in literary translations from Romanian into English. *Target*, 2004, 15(2): 269–294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>
6. House J. *Translation quality assessment: a model revisited*. Tübingen: Gunter Narr, 1997, 207.
7. Munday J. *Evaluation in translation: critical points of translator decision-making*. Abingdon-N. Y.: Routledge, 2012, 194.

8. Chvany C. V. Foregrounding, "transitivity", saliency (in sequential and non-sequential prose). *Essays in Poetics*, 1985, 10(2): 1–27.
9. Fleischman S. *Tense and narrativity. From medieval performance to modern fiction*. Austin: University of Texas Press, 1990, XIII+443.
10. Koyama N. Grounding and deixis: a comprehensive approach to the grounding phenomenon in Japanese narrative. *Taiwan Journal of Linguistics*, 2004, 2.1: 1–44.
11. Urzha A. V. Foreground and background in a narrative: trends in foreign linguistic and translation studies. *Slovène*, 2018, 7(2): 494–525. (In Russ.) DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.20
12. *Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality*, ed. Bondarko A.V. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1990, 262. (In Russ.)
13. *Theory of Functional Grammar. Person. Voice*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka. Sankt-Peterburgskoe otd-nie, 1991, 369. (In Russ.)
14. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow: Izd. Mosk. un-ta, 1998, 528. (In Russ.)
15. Onipenko N. K. The model of subject perspective and the problem of classifying the egocentric means. Issues of functional grammar. *The principle of natural classification*, eds. Bondarko A. V., Kazakovskaya V. V. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2013, 92–121. (In Russ.)
16. Aroutiounova N. D. *Language and the world of man*, 2nd ed. Moscow: Iaz. Rus. kultury, 1999, 896. (In Russ.)
17. Bulygina T. V. I, you, and others in Russian grammar. *RES PHILOLOGICA. Studies in philology*, ed. Likhachev D. S. Moscow: Nauka, 1990, 111–126. (In Russ.)
18. Paducheva E. V. *Semantic studies*. Moscow: Shk. "Iazyki rus. kultury", 1996, 464. (In Russ.)
19. Garbovskiy N. K. *Translation theory*. Moscow: Izd-vo MGU, 2004, 542. (In Russ.)
20. Nuriev V. A. Corpus-based study of the category of uncertainty in the Russian language. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 2015, (24): 14–18. (In Russ.)
21. Apresjan V. Ju., Shmelev A. D. "Xeno" markers in the light of the data of parallel corpora and contemporary mass media: the case of the Russian word jakoby. *Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. Annual. Intern. Conf. "Dialog"*, Moscow, 31 May – 3 June 2017. Moscow: RGGU, 2017, iss. 16, vol. 2, 17–29. (In Russ.)
22. Shmeleva T. V. Semantic organization of a sentence and the concept of modality. *Actual issues of Russian syntax*, eds. Gorshkova K. V., Klobukov E. V. Moscow: Izd. Mosk. un-ta, 1984, iss. 1, 78–100. (In Russ.)
23. Sheliakin M. A. *The language and the man: to the issue of motivation in the language system*. Moscow: Flinta; Nauka, 2005, 289. (In Russ.)
24. Segal E. M. Narrative comprehension and the role of Deictic Shift Theory. *Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective*, eds. Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E.. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1995, 3–18.
25. Nida E. Towards a science of translation. *With special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Leiden: Brill, 1964, 332.
26. Venuti L. *The translator's invisibility: a history of translation*. London, N. Y.: Routledge, 1995, 353.
27. Paducheva E. V. Uncertainty as the semantic dominant of the Russian language model of the world. *Problemi di morfosintassi delle lingue slave. Vol. 5. Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave: atti del Convegno svoltosi, Firenze, 26–28 ottobre 1995*. Padova: Unipress, 1996, 163–186. (In Russ.)
28. Lynch P. Not trying to talk alike and succeeding: the authoritative word and internally-persuasive word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn. *Studies in the Novel*, 2006, 38(2): 172–186.
29. Sewell D. R. *Mark Twain's languages: discourse, dialogue, and linguistic variety*. Berkeley: University of California Press, 1987, 188.
30. Urzha A. V. The foregrounding function of praesens historicum in Russian translated adventure narratives (20th century). *Slovène*, 2016, 5(1): 226–248. DOI: 10.31168/2305-6754.2016.5.1.9